

Одна дорога есть на небо, в погибель тысячи дорог (Как я, будучи баптистом, обрёл истину Православия)

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Среди баптистов
Глава вторая. Иоанн Креститель - «баптист»?
Глава третья. Иоанн Златоуст - «наш брат»
Глава четвертая. «Крещение»
Глава пятая. «Евхаристия»
Глава шестая. Апостольское «преемство»
Глава седьмая. Протоиерей Григорий
Глава восьмая. В поисках истины
Глава девятая. Единая Церковь
Глава десятая. Торжество Православия
Преемственный список православных иерархов

Глава первая. Среди баптистов

Когда много лет назад я искал Бога, посещая собрания католиков, свидетелей Иеговы, адвентистов, пятидесятников и прочих «миссионеров», то остановился на баптистах. Их приветливое участие в нуждах людей, сразу бросающаяся в глаза внешняя организованность привлекли мое внимание, и через некоторое время, посещая их собрания, я «покаялся». Один из первых обрядов называется у баптистов «покаянием». Помню, как я искренне плакал о своих грехах, стоя на коленях. Плакали и многие присутствовавшие вместе со мной. Всё происходило так трогательно, что невозможно было даже и подумать о какой-либо фальши. Мне подарили Библию с надписью на внутренней стороне обложки: «Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя» (Ним. 4, 16).

С тех пор свободного времени у меня не стало. Как позже я заметил, все члены собрания усиленно привлекались к «добрым делам». Мне приходилось чуть ли не ежедневно посещать спевки, на которых разучивались песни о Боге, принимать участие в «разборе Слова Божия», требующего усердной подготовки. Кроме всего прочего, руководитель поручал мне разные задания, за которые необходимо было отчитаться в срок. К тому же я спешил прочесть поскорее всю Библию, так как видел, с каким уважением относились баптисты к тем, кто прочитал ее много раз. Самым большим знатоком Библии считался наш пресвитер. Он прочитал ее одиннадцать раз, и об этом частенько упоминал, когда возникали какие-либо разногласия, причем это давало основание считаться неоспоримым авторитетом.

— Ты сколько раз Библию прочитал? — задал как-то пресвитер вопрос одному вновь пришедшему брату, который попытался защитить свою точку зрения.

— Я пока еще не дочитал до конца, — ответил тот.

— А я одиннадцать раз прочитал, — говорил пресвитер, дружески хлопая его по плечу. — Вот когда ты хотя бы разок прочитаешь, тогда и поговорим.

У других братьев, знатоков Библии, «опыт» был поменьше: кто два раза прочитал, кто три. Через полтора года и я гордо объявил на собрании, что прочитал всю Библию. Меня поздравили и похвалили. Но, честно сказать, в голове моей мало что отложилось, к тому же от чтения Библии у меня возникало множество вопросов, которые не давали мне твердого основания веры. Некоторые вопросы я задавал братьям и получал «эрудированные» ответы; одним ответам я поначалу слепо доверял, а другим — нет, поэтому они так и остались в моей душе белыми пятнами.

Надо сказать, что глубоко ошибаются те, которые считают, что у баптистов нет предания. Оно у них есть, но только собственное, личное. В каждом собрании существуют традиции и даже свое сугубое понимание и толкование Священного Писания, но некоторые

ключевые моменты они передают из поколения в поколение. При этом каждое мнение, высказанное членом собрания, считается личным убеждением. Что-то из него может приниматься собранием, а что-то нет. Одним словом, свобода в суждениях и толкованиях не ограничена. Эта свобода и привлекает в какой-то степени наши тщеславные души, ищущие самовыражения, а не смирения пред Господом Иисусом.

В своем толковании баптисты порой доходят даже до кощунства, но стоит это подкрепить текстами из Писания, как кощунство становится как бы новым открытием в протестантской богословской науке. Впрочем, на стремлении к новизне зиждется все протестантское богословие, некогда породившее в своих недрах социализм. Найти что-либо новенькое и произвести фурор — вот главная задача богослова-баптиста. Но об этом позже, а пока обращу внимание читателя на то, как проходила моя жизнь в баптистской общине.

Однажды мы возвращались с друзьями домой после собрания, беседуя о дальнейших планах жизни, о том, что цель ее теперь — проповедовать Христа. «Как хорошо, что я стал верующим, — думал я, теперь надо везде проповедовать». Горе мне, если не благовествую (Жор. 9, 16) — отчетливо звучали слова апостола Павла в моих ушах. Мне и моим друзьям очень хотелось поскорее обратиться ко Христу всех жителей своего дома, а затем улицы и всего города. Мы мечтали о том, чтобы все вокруг стали баптистами.

Беседуя об этом, мы вышли из троллейбуса, но, пройдя около ста метров, вдруг увидели, как двое малолетних хулиганов избивают подвыпившего мужчину. «Что делать? — мелькнула в моей голове мысль, — Надо бы его защитить». Нас было четверо, и мы вполне могли бы с ними справиться.

— Помогите, — кричал мужчина, — люди добрые, помогите!

Я хотел было броситься на выручку, но один из моих новых друзей, брат В., остановил меня и строго сказал:

— В Евангелии написано: «Не убивай». Поэтому нельзя драться. Вот видишь, он пьян, за это и получает наказание от Бога.

Брат В. был старше по возрасту и в общину ходил уже давно, поэтому никто не смог ему возразить, и мы молча прошли мимо.

Всю оставшуюся дорогу я думал о бедном страдальце. Ведь хулиганы могли убить этого несчастного. Ночью он мне приснился с окровавленным лицом и, посмотрев, с упреком сказал: «Где же твоя любовь, брат?» От этих слов мне стало так стыдно и горько, что я заплакал и проснулся.

Глава вторая. Иоанн Креститель — «баптист»?

В первое воскресенье каждого месяца на собрании совершалось хлебопреломление для всех членов нашей общины, а также в нем могли участвовать и гости из других общин нашего течения. К хлебопреломлению меня не допускали, говоря, что нужно сначала принять водное крещение, а уж потом можно будет и поучаствовать.

— В Священном Писании много есть мест о Крещении, — наставлял меня брат С. — Так в Евангелии от Марка, в 16-й главе, 16 стих, читаем: Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Поэтому, — продолжал брат, — чтобы стать полноправным членом нашей общины, нужно принять водное крещение. Ведь наша община ведет начало от самого Иоанна Крестителя, и только она одна имеет название «баптистская». Почему? А потому в переводе с греческого слово «баптисо» означает погружать, крестить. А первый крестил в воде Иоанн Креститель. Следовательно, он был баптист.

«Как здорово, — думал я, — наша вера самая правильная». Меня только немного удивляло, ведь у православных и у католиков столько святых, а почему мы не почитаем Иоанна Крестителя как святого, ведь он основатель нашей веры? Но я тогда считал, что многого еще не знаю и не понимаю, а потому этот вопрос до поры оставил без внимания.

Как-то на собранно были приглашены неверующие: знакомые по работе, соседи, родственники и многие другие. Пресвитер, дьякон и братья проповедники были наготове. Предварительно пресвитер сказал, что если кто из братьев не справится в диспуте с каким-либо вопросом, то должен прекратить спор и передать слово пресвитеру, чтобы тот мог при

всех обличить заблуждение. Помню, что братья всегда с опаской относились к семинаристам. Потому что те хорошо знали Писание и часто задавали вопросы, на которые даже пресвитер затруднялся дать ответ.

Время было весеннее, как раз после Пасхи, и перед началом собрания пресвитер попросил всех встать.

Помолимся, — сказал он и вслух помолился своими словами, как бы от всех присутствующих, в конце все дружно сказали:

— Аминь.

Брат-регент предложил общим пением пропеть трижды Православный тропарь «Христос Воскресе из мертвых...». В зале послышался тихий шепот: «Православный?!» По окончании пения один брат вышел на сцену и начал проповедь. Он говорил спокойно и очень аккуратно, а затем обратился к новопришедшим: — У кого есть вопросы, пишите записочки и передавайте вперед братьям, и братья будут отвечать на них.

После проповеди старшие по очереди стали отвечать на вопросы. Их было много. На три из них ответил сам пресвитер.

— Скажите, можно ли на Пасху красить яйца, печь куличи, делать пасхи и т.д., — прочитал пресвитер вслух первый вопрос. — Если нет, то почему?

— Такой вопрос мы разбирали на прошлом членском собрании, — сказал пресвитер. — Кто был, тот уже знает, что красить яйца и делать пасхи нельзя однозначно. В Библии нигде нет указания на то, чтобы красить яйца, печь куличи и прочее. Если кого на работе или еще где-нибудь будут угощать, не берите и не ешьте. Мы с братьями решили, что это идоложертвенное.

— У меня недавно был такой случай, — продолжал он. — Иду я домой, а на улице нашей живет одна православная женщина, с которой я много лет хорошо знаком. Я проходил мимо ее дома, и вдруг она вышла мне навстречу и, улыбаясь, говорит: «Христос Воскресе!» Ну, я ответил ей, а она мне: «С праздником Пасхи Вас и деточек Ваших», а затем подала мне сверток большой в белой бумаге. Отказать как-то было неудобно. Пришлось взять. А когда пришел домой, то сверток-то развернул, а там крашеные яйца, куличи и пасха. Я сразу вспомнил место из Писания, что нельзя нам употреблять в пищу идоложертвенное, и все отдал собаке. Дорогие братья и сестры, нужно быть внимательными и все проверять по Слову Божию. Ведь противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить (1 Петр. 5, 8).

Этот ответ пресвитера вызвал у меня сомнение. Если я раньше слепо доверял его «эрудиции», то теперь заметил некое несогласие с тем, что мне приходилось читать о празднике Пасхи. Ведь из Писания известно, что идоложертвенное бывает у язычников, а не у христиан. И эта милая старушка, о которой говорил пресвитер, с которой был знаком и я, верила искренне и всей душой. К тому же в Писании говорится о том, как Христос вместе с учениками ел пасху, и Он не считал это идоложертвенным. А в одной исторической книге, изданной в дореволюционной России, я прочитал, что обычай дарить на Пасху крашеные яйца имеет начало от Марии Магдалины, которая по вознесении Спасителя пришла в Рим для проповеди Евангелия. Когда же она предстала пред императором Тиберием, то подала ему яичко, которое покраснело, и сказала: «Христос Воскресе!» С этих пор христиане, подражая ее примеру, стали на Пасху дарить друг другу крашеные яйца. «Что-то на этот раз „эрудиция“ подвела пастыря», — подумал я.

Тем временем он зачитал следующий вопрос:

— Объясните, пожалуйста, почему много разных вер, ведь Христос один?

— Чтобы было более понятно, — отвечал брат пресвитер, — приведу наглядный пример. Христос пришел в мир для спасения всего рода человеческого. Своей жертвенной любовью, Голгофскими страданиями, смертью и воскресением Он открыл на Небо одну дверь. Дверь в райские обители. Но враг рода человеческого, видя, что люди идут на Небо через одну дверь и спасаются, хитро и лукаво наделал множество других дверей. Люди стали путаться и пошли в разные двери, через что стали погибать. Наша вера и есть та одна дорога на Небо. Кто из нас смущается или сомневается в Божием благословении? Сколько у нас молодежи, сколько детей в собрании. Разве это не милость Божия? В Евангелии от Матфея в 18-й главе, в 20-м стихе, сказано: где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.

А нас? Не двое и не трое, а 200 и 300, и более душ. И я верю, что Господь будет еще и еще прилагать души в нашу общину.

Теперь я как-то успокоился, потому что никогда не был либералом и не признавал мнения относительно того, что все дороги ведут в рай. Поэтому я внутренне согласился со словами пресвитера, что вера истинная одна, но тут зачитали еще один вопрос:

— Ответьте, пожалуйста, — было в записке. — Православные почитают и ублажают Богородицу, ссылаясь на Евангельский текст: ибо отныне будут ублажать Меня все роды Лк. 1, 48). А вы как, тоже ублажаете или нет?

— Хороший вопрос, — сказал брат пресвитер, — Православие — это заблуждение. Там все мертвое, фарисейство и идолопоклонство. У кого есть Библия, откроем от Матфея 23-ю главу и прочитаем 2-й и 13-й стихи: ... на Моисеевом седалищи сели книжники и фарисеи... Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете. Вот что сказал Иисус Христос о них. А поэтому у нас с ними нет ничего общего. Что же касается Богородицы, мы не ублажаем Ее вообще. Так у нас принято. Она такая же, как и все женщины.

Я уже стал замечать, что далеко не все, что делают баптисты, соответствует Писанию, а последний ответ пресвитера еще более укрепил мои сомнения. Читая Евангелие, я сам проникся любовью к Божией Матери. Ведь сколько Она претерпела страданий, видя мучения на Кресте единственного Сына. Что может быть больнее для Матери? К тому же мне было странно слышать, как братья говорили, что Она обыкновенная женщина, как и все вокруг. «Разве это так? — возражал мысленно я. — Она ведь единственная, кого избрал Сам Господь для воплощения Своего Сына. Это уже делает Ее великой избранницей. Как можно говорить, что Она ничем не отличается от всех женщин, когда-либо живших на земле? Например, мы все любим свою мать хотя бы за то, что через нее мы получили жизнь. А если бы ее оскорбил кто-нибудь из уважающих и любящих нас людей, то оскорбил бы тем самым и нас. Если кто любит близкого человека по-настоящему, тот будет любить и всех тех, кого любит он. Но если такова любовь человеческая, то какова же Божия? И если мы любим родившую нас, то как надо любить родившую Того, Кто устроил весь этот видимый мир?

А как Сам Христос любил Матерь Свою Пречистую? Он не оставил ее даже будучи распят на кресте. Господь поручил заботу о ней любимому ученику Своему, Иоанну Богослову. А эти «друзья» Христа смеют говорить, что Она не достойна почитания, что Она обыкновенная женщина. О, если бы я жил в то время, когда Матерь Божия ходила по земле, — размышлял я втайне, — наверное, для меня было бы за счастье целовать ту землю, по которой она ступала. Ведь если в народе почитают матерей героев, то тем более следует почитать и ублажать Матерь Господа нашего Иисуса Христа, победившего диавола».

Мои раздумья прервал брат, пригласивший желающих выйти на середину комнаты и «покаяться». Он говорил громко и красноречиво, внушительно и ласкательно. Несколько человек вышли со слезами.

— Вы хотите покаяться? — спросил их брат.

— Да, — ответили они, вытирая слезы.

— Помолимся, — сказал брат, и стал говорить вслух импровизированную молитву.

Замечу, что покаяние, хотя и вызывало искреннее желание исправить свою грешную жизнь, однако было без перечисления грехов, как это бывает на исповеди у православных. И без разрешительной молитвы, в которой священник властью, данной от Бога, прощает кающегося. Но об этом я тогда еще не знал. Мне нравилось видеть людей, стоящих на коленях и просящих прощения у Бога. Может быть, это тоже облегчало покаяние, поскольку сказать о своих грехах какому-либо человеку не каждый решится. Ведь это так стыдно, а вот сказать о них Богу — нисколько. Видимо, поэтому Иоанн Креститель призывал к покаянию всенародному, чтобы был плод покаяния, то есть чувство стыда. И когда он заводил приходящих к нему в воду, то требовал называть свои грехи во всеуслышание. Конечно, не каждый находил в себе силы сказать о своих мерзостях. Потому он назвал ехиднами иудеев, которые не решались войти в воду.

После покаяния все вместе пропели очень трогательное песнопение: «Последний призыв прозвучал для тебя...». Во время этого пения вышло еще несколько человек из новопришедших. И всего покаявшихся было больше десяти человек. Помню, как им всем

подарили Евангелие карманного формата и что-то из вещей гуманитарной помощи от наших братьев из Америки.

Глава третья. Иоанн Златоуст — «наш брат»

Прошло время. Я продолжал ходить на собрания и петь в хоре. Однажды был разбор слова, и один очень духовный и уважаемый всеми брат П. сказал проповедь. Он цитировал православного святого Ионна Златоуста, хваля его мудрость и дивный слог.

— Иоанн Златоуст — это наш брат, — сказал П. — В свое время он был великим проповедником, и жил в IV веке, когда нас, протестантов, еще не существовало.

Его последние слова меня заинтересовали и я решил поподробнее узнать, как понимать слово «протестанты». Закончилось собрание. Я подошел к брату, и мы присели в сторонке.

— Скажите, — начал я беседу, — что означают слова «мы — протестанты»?

— Удивляться не надо, — сказал брат, — протестантизм возник не так давно. Мы, баптисты, являемся одним из течений протестантизма. Бог открыл глаза Мартину Лютеру, и он отделился от католиков, потому что там инквизиции, индульгенции, крестовые походы и много всякой всячины, что противоречит Евангелию. Протестантизм возник в конце XVI - начале XVII века.

— А сколько же тогда лет существует баптизм? — спросил я.

— Где-то около 500 лет.

— Но ведь Христос пришел на землю почти 2000 лет назад. А Церковь, которая Христом основана, где она?

— Понимаешь, — отвечал брат П., — до XI века первоначально была одна Церковь — Православная, а в XI веке произошло большое разделение. Запад отделился от Востока. То есть Церковь разделилась на Православие и Католичество. Но ты сильно в голову не бери. Название не спасает. Главное — поклоняться Богу в духе и истине.

— Хорошо, — сказал я, не удовлетворившись ответом, — в Писании говорится, что Бог создал Церковь, которую не одолеют никакие врата ада. Значит, Церковь не могла разделиться. Значит, кто-то отделился от Церкви: или католики отпали от истины или православные. А если Лютер разобрался в католичестве и, решив, что оно впало в ересь, вышел из него, то почему же он не вернулся в Православную Церковь? Почему? У православных тоже были индульгенции, инквизиции и крестовые походы?

— Нет. У православных не было этого ничего. Но Бог не спросит с нас за то, как там было. Главное, как есть сейчас. Если интересуешься этой темой, пожалуйста, возьми у нас в библиотеке книгу «История христианства», вышедшую в издательстве «Христианин» в 1977 году.

На другой день я пошел в библиотеку и взял эту книгу. Читая ее, я впервые по-настоящему познакомился с историей Церкви и от этого у меня появилось еще больше вопросов. Я искал истину и искренне хотел разобраться во всем. Я стал читать Иоанна Златоуста и почему-то видел, что он против нас. Против нашего пресвитера и его воззрений.

Отношение ко мне в общине резко изменилось. Видимая свобода баптизма оказалась не такой уж и свободной. Всеми уважаемый брат рассказал о нашей беседе пресвитеру, и о том, что я интересуюсь «конкретными» вопросами. Со мной побеседовали, и от крещения отстранили. Но для меня было главным узнать правду. Я не желал поступаться истиной и проявлять человекоугодие, лишь бы допустили до крещения.

Глава четвертая. «Крещение»

«Крещение» баптистов обычно происходило на озере. Так было и в этот раз. Я с интересом наблюдал за происходящим и, честно признаться, зрелище это меня впечатляло. Сначала прочитали несколько текстов из Нового Завета о крещении, затем крещаемые сняли верхнюю одежду и в одном нижнем белье белого цвета вошли в воду по пояс. Помню, как пресвитер говорил, что крещаемым надо сложить руки на груди и стать как бы мертвыми. После погружения все вышли на берег, и один из братьев прочитал из 8-й главы Деяний стихи с 14-го по 18-й. Затем пресвитер поочередно возложил на каждого руки, после чего

всех новокрещенных стали поздравлять и фотографировать на память. Выбрав момент, я подошел к пресвитеру.

— Можно у Вас что-то спросить?

— Пожалуйста, — ответил он.

— Я читал у нашего брата Иоанна Златоуста, что в первые века христианства Крещение совершалось троекратным погружением, как и Христос в Писании говорит: идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф. 28, 19), то есть одно погружение было во имя Отца, второе — во имя Сына, а третье — во имя Святого Духа. А почему у вас только один раз погружают в воду?

— У нас так принято, — строго ответил пресвитер.

Я ждал, что он еще что-либо скажет в ответ, но он молчал. Тогда я спросил:

— И еще. Сегодня среди крещаемых было несколько человек, которые когда-то были крещены в Православной Церкви. Зачем их второй раз крестили? Ведь сказано в Писании: один Господь, одна вера, одно крещение? (Еф. 4, 5).

— Да, я знаю, что они были крещены в Православии, — сказал сдержанно пресвитер, — но к нам они пришли сами, мы насильно никого не крестим. У православных крещение недействительное, поэтому мы их перекрещиваем.

— А почему оно недействительно? — спросил я.

— Потому что они крестят даже младенцев, — сказал брат пресвитер. — В Евангелии от Марка, в 16 главе в 16 стихе сказано: Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет (Мк. 16, 16). А какая вера у младенцев? Понятно, что никакой. Так?

— Так, — ответил я, — это точно. Вернувшись домой, я открыл Евангелие как раз в том месте, где говорилось о детях, и стал читать. Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда (Мф. 19, 13-15).

«Значит, Господь заповедал допускать детей к Нему, — думал я, — а как же вера? Вера у детей есть, но не у младенцев. Все-таки пресвитер, видимо, прав». Тут я снова обратился к нашему брату Иоанну Златоусту, великому проповеднику IV века, и прочитал: «Как иудеев знамение обрезания отделяло от прочих народов и показывало в них народ избранный Богом, таким же образом и у нас Крещение составляет очевиднейшее различие и разделение верных от неверных».

«Интересно, — подумал я, — значит, по его мысли, обрезание — это прообраз нашего крещения. Но ведь иудеи обрезали младенцев в восьмой день. Значит они обрезали их не по вере? Какая вера у восьмидневного младенца?»

Я лег спать, но никак не мог уснуть: мысли о том, что где-то рядом истина, не давали мне покоя. «Где же она? — думал я, — Кто прав? Пресвитер или Златоуст? Конечно, надо искать ответ в Священном Писании, ведь только оно для нас единственный безупречный авторитет». Чтобы как-то отвлечься от мыслей, я встал и включил радиоприемник. Я настроил его на волну, которую разрешалось нам слушать. К моему удивлению, там читали Евангелие: И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо; и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопав ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный. Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои (Мк. 2, 5).

«Стоп», — сказал себе я, понимая, что нашел ответ, который так искал. Я выключил приемник, открыл это место в Евангелии и внимательно перечитал: «Иисус, видя веру их...» Значит, Господь исцелил расслабленного не по его вере, а по вере тех, которые раскрыли кровлю дома и, прокопав ее, спустили постель к ногам Иисуса? Так вот в чем отгадка! Иудеи обрезали младенцев не по их вере, а по вере родителей, приносящих малюток. Точно так же происходит и Крещение младенцев у православных. Их крестят по вере взрослых восприемников.

Глава пятая. «Евхаристия»

Несмотря на возникающие в моей душе противоречия, я все же продолжал ходить на собрания. Наша община, как и многие другие баптистские, держалась на авторитете пресвитера, который умело ставил всех в некую зависимость. Помнится, как с одной престарелой женщиной К., бывшей православной, мы заговорили о неточностях в баптистской вере, и она мне сказала:

— Я не о чем не беспокоюсь, потому что знаю, что если умру, то братья меня похоронят, и поминки по мне справят. А чего мне еще желать?

— Как чего? — возразил я, — а рая? Похоронить-то похоронят, а куда душа пойдет? Главное ведь душа.

— Это ты правду говоришь, — сказала К., — но как я их брошу? Они ведь мне и огород вскопали, и ремонт в доме сделали. С моей стороны это будет неприлично.

Да, мы все обязаны пресвитеру. Это ведь он каждый раз на собрании говорит: «Братья, кто свободен на этой неделе, надо помочь нуждающимся». А нуждающиеся — это мы. Кому надо дом построить, кому картошку выкопать, кому машину отремонтировать. Одним словом, так друг другу и помогаем. Хорошо все выходит, только вот из-за этой взаимопомощи становишься уже зависимым от общины, и вопрос веры отходит на второй план. И чем больше ты получаешь помощи, тем сильнее связывается совесть. И выход из общины представляется уже как предательство.

Однажды собрание было переполнено. Во время хлебопреломления, после того как пресвитер помолился над двумя чашами с вином, их стали разносить по рядам. Но в одной чаше вино закончилось, и некоторым не хватило. Такое впоследствии случалось часто, но тогда я увидел в первый раз, как брат Д., нисколько не церемонясь, взял графин с вином и пошел в зал. Он влил вино в чашу и спросил:

— Никого не прошла чаша с вином? Слава Господу! Вино и хлеб — это не Тело и Кровь. Мы совершаем это только в воспоминание пострадавшего Господа нашего Иисуса Христа.

После собрания я подошел к нему и сказал:

— Брат, почему ты говоришь не от Писания?

— О чем ты? — спросил он.

— Вот ты сказал, что наше причастие — это не тело и не кровь Христа, а в Евангелии вот что написано: Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов (Мф. 26, 26-28). Видишь, Господь не говорит, что это образ, а что ни на есть Самое настоящее Тело и истинная Кровь.

— Ну это, брат, у православных Тело и Кровь, а у нас хлеб и вино, — ответил Д.

Впоследствии я понял, что он был прав. Действительно, истинное Тело и Кровь преподаются верным только в Православной Церкви.

Глава шестая. Апостольское «преемство»

Через некоторое время я стал случайным участником беседы с одним пожилым братом Г., который часто посещал нашу общину. Он рассказал удивительный случай.

— Время было тяжелое, — вспоминал брат. — В 40-е годы власти строго следили за тем, чтобы верующие не устраивали служения, но мы тайно собирались по домам, проводили собрания, молились, читали Слово Божие и пели. В основном это были старики, дети и немного молодежи. Пришло лето, были желающие принять водное крещение, а брата пресвитера у нас не было. Как быть? Стали думать. Собрались, посоветовались и выбрали одного брата пресвитером. Он не был рукоположен, но мы его называли пресвитером. Он-то и совершал в течении многих лет водное крещение и хлебопреломление. Брат тот уже умер, но остались еще живые, которые до сих пор смущаются, действительны ли обряды, совершенные братом, ставшим пресвитером без рукоположения? Тогда мы обратились с этим вопросом к нашему пресвитеру и тем братьям, которые прочитали Библию пять раз. —

Ноу проблем! — ответил нам пресвитер, — главное — вера. Братья знали, что делали. На том свете узнаем, где истина.

Но я желал ее узнать еще здесь, потому что Христос пришел для этого на землю и во всей полноте принес истину, чтобы мы уверовали в Него. Потом будет поздно. Ведь там ожидает нас Страшный Суд, а поэтому останется только раскаяние в том, что не нашли истину, и вместо того, чтобы служить ей, послужили лжи. Как и Господь наш Иисус Христос говорит: Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие (Мф. 7, 22-23).

Между тем я обнаружил в библиотеке, где работала моя сестра, преемственный список (см. приложение на с.61 данной книги) иерархов Русской Православной Церкви от Апостольских времен до наших дней. В нем не хватает лишь последних русских Патриархов: Тихона, Сергия, Алексия I, Пимена и Алексия II.

Я взял этот список и пошел к нашему пресвитеру. Показав ему список, я спросил:

— Скажите, а у нас есть подобный список?

— Нет, — ответил он. — У нас нет таких списков. Наше преемство и рукоположение может совершаться напрямую от Бога.

— Но ведь в Священном Писании сказано, что рукополагать имеют право лишь епископы, которые приняли рукоположение от Апостолов?

Видимо, это было последней каплей в чаше терпения пресвитера. Он не ответил мне ничего, но сказал братьям, чтобы больше беседовали со мной, и запретил мне читать что-либо, кроме Библии и журнала «Протестант».

В тот день я вернул в библиотеку общины прочитанную мною книгу «История христианства». Пресвитер приказал ее сжечь, и тогда я впервые решил побеседовать с православным священником.

Глава седьмая. Протоиерей Григорий

Однажды вечером я зашел в храм и спросил людей, стоявших у входа:

- Извините, я — баптист, возможно ли мне поговорить со священником?

- Подождите, немного, — вежливо ответили мне, — не уходите. Скоро служба закончится, и батюшка Григорий с Вами побеседует.

И тут я впервые узнал, что такое духовная брань, о которой раньше я даже представления не имел. Да и вообще у баптистов об этом как-то не говорят, не учат бороться с помыслами. Ведь там главное — вера в то, что ты уже спасен. Но в этот раз помыслы так напали на меня, что я и не рад был, что пришел в православный храм. Налетев словно буря, помыслы советовали мне уйти. Они ругали священника и всех на свете православных. Прошло около часа, я изнемогал, но в тот момент, когда уже сдался и хотел было бежать, ко мне навстречу вдруг вышел батюшка. Он был высокого роста и с густой, слегка седоватой, бородой. Я поздоровался с ним на расстоянии и спросил:

- Извините, можно с Вами побеседовать?

- Можно, — добродушно взглядываясь в меня, сказал он, и пригласил пройти прогуляться по церковному двору.

- Есть такое пасхальное песнопение, — начал я, — его поют все христианские вероисповедания: «Христос Воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...». Может быть вы знаете, кто его автор?

Священник помолчал немного, видимо, молился, а затем сказал:

- Этот чудесный тропарь написал преподобный Иоанн Дамаскин — величайший светильник, молитвенник Церкви Православной, живший в VII веке в Сирии. Он написал множество служб и канонов, которые вошли в Богослужение Церкви. Он также написал замечательную книгу «Точное изложение Православной веры». В ней собраны все догматы веры Христианской. Слава Богу, книг сейчас много! И эта книга есть в библиотеках при многих храмах, в воскресных школах, в книжных лавках, если желаете, то можете почитать.

В Ветхом Завете, в книге Исход, в 20-й главе, 4-м стихе, — продолжал я, — есть такие слова: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на

земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им». А почему у вас в храмах есть изображения, и вы им поклоняетесь?

- Иконы — это не кумиры и, тем более, не идолы, — сказал батюшка. — Из Ветхого Завета мы знаем наименования идолов: астарта, ваалфегор, ваал. Конечно, идолами могут быть и человеческие страсти, но к иконам это никакого отношения не имеет. Бог запретил изображать что-либо для поклонения, потому что мы должны поклоняться, и Церковь Православная поклоня-ется, только Ему. Помните, в той же книге Исход описывается, как пророк Божий Моисей поднялся на гору Синай, а Аарон с народом остался у подножия горы. Моисей долго не возвращался, и народ сказал Аарону: сделай нам бога, который бы шел перед нами (Исх. 32, 1). И Аарон сделал золотого тельца — идола. За грех этот Господь поразил народ. В то же время, если Вы помните, в той же книге в 25-й главе Бог заповедал Моисею сделать изображения Херувимов на крышке Ковчега: и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы (Исх. 25, 18). И более того, Он сказал Моисею: там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения (Исх. 25, 22). Так что сами видите: есть изображения, запрещенные Богом, есть изображения, которые Им же заповеданы.

- Но ведь то был ковчег, — возразил я, — а у вас на стенах росписи.

- Да, и на стенах изображения не от человеческого ума, а по благословению Божию, — сказал священник. — В 26-й главе, наверное помните, как Бог повелел Моисею: сделай завесу из голубой, пурпуровой и червлёной шерсти и крученого виссона; искусною работою должны быть сделаны на ней херувимы (Исх. 26, 31). Так-же и Соломон, когда построил храм, то сделал в дави́ре двух херувимов из масличного дерева, вышиною в десять локтей... И поставил он херувимов среди внутренней части храма... И обложил он херувимов золотом, подобно как оклады у наших икон, и на всех стенах храма кругом сделал резные изображения херувимов и пальмовых деревьев и распускающихся цветов, внутри и вне (3 Цар. 6, 23-29).

Икона — не Бог, и икона — не идол. Вот вы имеете фотографию родителей или брата или сестры. Вы можете посмотреть на нее и мысленно обратиться к ним? Так же?

- Да, — ответил я, и вспомнил, как мы всей общиной фотографировались после крещения на озере.

- Мы сейчас стоим с Вами на улице и молитвенно обращаемся к Господу. Мы верим, что Господь на Небесах, верим в то, что Он нас видит и слышит. Верим в то, что Он оберегает нас от зла и греха, мы можем молиться молча, только мыслью, можем и пропеть тропарь. Пение помогает нам в молитве, так и икона является святыней, помогающей нам хранить благоговение к Богу и молитвенный настрой. Мы поклоняемся не иконе, а Богу в духе и истине, а икона — это святыня, о которой сказано в Писании: Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас (Мф. 7, 6). Поэтому в Церкви особое благоговейное отношение к святым иконам.

Слова батюшки были настолько убедительны, что я ничего не мог возразить, но все же, не желая отказаться от своих прежних убеждений, я спросил:

- Почему же тогда в Писании Христос говорит, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу (Ин. 4, 21), следовательно, не в храмах, как это делаете вы?

- Именно в храмах, — ответил батюшка, — Ибо Сам Господь сказал Соломону, построившему храм Божий: и ныне Я избрал и освятить дом сей, чтобы имя Мое было там во веки; и очи Мои и сердце Мое будут там во все дни (2 Пар. 7, 16). А в книге пророка Исайи говорится: дом Мой назовется домом молитвы для всех народов (Ис. 56, 7). Всех верных Бог собирает в Ноев Ковчег — церковь Свою Святую Православную. Все что вне ее — не есть Божие, но сие — воды потопа, уготовляющие погибель всякой душе. Подобно Ною и его семейству, учение Христа хранится в Церкви Православной. А кто пытается приоткрыть крышку, желая прибавить к сему учению что либо новое, тот впускает только грязь и сам пачкается и других мара́ет. Горе такому человеку. Так поступали и поступают католики. Они все стремились внести что-либо новое, вот и оказались за бортом. А, отпав от Церкви, дошли до умопомрачения, объявив непогрешимость своего папы римского и то, что все веры угодны Богу, если они поклоняются папе.

Тут мне пришли на память слова одной из наших известных песен, которую мы частенько пели на собраниях: «Одна дорога есть на небо, в погибель — тысячи дорог!». «Да, — подумал я, — видимо, Лютер был прав, осудив католиков, но почему же он не вернулся в православие?» И я решил этот вопрос задать батюшке.

- Извините, а вы не знаете, кто такой Мартин Лютер?

- Это известный латинский монах, который, критикуя католицизм, отделился от него в протестантизм.

- А почему же он, увидев ложь католиков, не пошел в Православие?

- В этом-то и беда Лютера. Он не искал истинную Церковь, а возгорелся желанием реформировать католицизм. Потому и впал в еще большее заблуждение. Протестуя против папских новшеств (отсюда и название протестантизм), Лютер отверг Священное Предание Церкви.

- А что такое Предание? — спросил я.

- Вот мы с Вами говорим. И я передаю Вам учение Церкви. Если бы я писал, то это было бы писание, а так как я не пишу, но говорю устно, то такой способ называется преданием. Господь наш Иисус Христос ничего не написал нам, но учил Апостолов, передавая из уст в уста, из сердца в сердце. Вот это и есть Священное

Предание. Помните, как святой апостол Иоанн Богослов говорит: многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг (Ин. 21, 25). Поэтому апостол Павел учит: итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим (2 Фес. 2, 15).

Отвергать предание, значит, отвергать всякое общение. Родители воспитывают детей посредством предания, а не пишут им на бумаге наставления. Хотя можно и так, но, думаю, и у баптистов такого нет. Вот и первая икона Божией Матери была написана апостолом Лукой, но в Писании этого нет, а Предание открывает нам это событие даже с некоторыми подробностями. Доска, на которой было написано изображение, долгое время служила крышкой стола в семье Иисуса.

- А вот вы говорили про автора песнопения «Христос Воскресе», — спросил я, — а как он относился к иконам?

- Преподобный Иоанн Дамаскин жил во время иконоборчества и очень почитал иконы. Он смело защищал иконопись и многих утвердил в благочестии, за что и был оклеветан врагами православия перед князем города Дамаска и брошен в темницу. Чтобы он не мог более писать, ему отсекали правую руку и повесили ее на рынке города. Самого же преподобного Иоанна, изнемогающего от сильной боли, привели домой. Вечером Иоанн просил князя отдать ему руку, якобы для погребения. Князь внял его просьбе и повелел отдать отсеченную руку. Преподобный же, взяв руку, вошел в свою келью и, припав к иконе Божией Матери, стал слезно молиться, говоря: «Пречистая Мати Божия, вот моя правая рука отсечена ради Божественных икон. Умоли Сына Твоего, да исцелит Он ее. И пусть рука моя напишет то, что Ты Сама позволишь в восхваление Тебя и Сына Твоего, и в назидание верующим в Него. Если Христос нам повелевает слушать отцов и матерей своих, то, без сомнения, и Тебя послушает, потому что Ты — Матерь Его». Так молясь, Иоанн склонился и уснул. И видит во сне Матерь Божию, которая говорит ему: «Рука твоя здорова, трудись ею, сделай ее тростью скорописца». Преподобный проснулся и увидел, что его рука стала, как и прежде, здоровой. Только в месте отсечения, очерченном как бы красной нитью, остался знак, для подтверждения чуда. В память об этом преподобный Иоанн написал икону Божией Матери, именуемую «Троеручица». Список с этой иконы есть во многих храмах. И у нас она есть.

- А как же прекратилось гонение на иконы? — спросил я.

- В 787 году состоялся Седьмой Вселенский Собор, на котором присутствовало множество приехавших отовсюду епископов, священников, дьяконов. Собор предал анафеме всех иконоборцев и утвердил иконопочитание для христиан. На этом же Соборе был утвержден праздник Торжество Православия, который всегда празднуется в Воскресение после первой недели Великого Поста. На этом празднике в конце Божественной литургии совершается «Чин анафематства».

- А что это такое?

- Помните, у апостола Павла в послании к Галатам есть такие слова: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема (Гал. 1,9). Под анафемой находятся все ложные учения и вероисповедания, отступившие от истины Православия. Многие протестанты благовествуют, трудятся, а на самом деле проповедуют не то, что приняла Церковь. Пусть знают, что они — вне Церкви и находятся под анафемой.

На этом наш разговор со священником прервался. Его позвали причащать умирающего человека.

- Простите, — сказал батюшка, — к сожалению, больше не могу с Вами беседовать. Надо бежать. Приходите, буду рад еще встретиться. Советую Вам почитать книгу Н. Варжанского «Оружие правды».

Глава восьмая. В поисках истины

Я пришел домой и стал молиться: «Господи, Ты видишь меня, заблудшую овцу Твою. Помоги мне разобраться. Открой истину. Укажи, где она. Если Православная Церковь — истинная, а баптисты, мои хорошие, заблуждаются, то помоги понять Православие и стать православным. Если же не так, то утверди в баптизме и разори сомнения. Я понял одно, что просто веровать в Тебя, Господи, недостаточно для спасения, ведь и бесы веруют, и трепещут (Иак. 2, 19). Надо быть в единой истинной Церкви, Христом основанной. Помоги, Господи, разобраться, где она».

В другой раз я пришел в храм, чтобы побеседовать со священником. Я остановился на улице, возле двери и стал в полголоса напевать песню:

«Страшно бушует житейское море, Сильные волны качают ладью...»

Рядом играла маленькая девочка лет пяти, а может и меньше. Она, словно не замечая никого, прыгала по паперти со ступеньки на ступеньку. И тут вышел из храма священник в черной рясе, девчужка, как только его увидела, сразу оживилась. Ее голубые глаза заблестели, и она с радостным ликованием бросилась к священнику,

— Дядя Иисус, дядя Иисус, — ликовала она, обнимая священника за ноги, — если бы ты знал, как я тебя люблю!

Священник наклонился и ласково погладил ее по голове, дал конфетку, и девочка радостная, вприпрыжку, побежала к маме, показывая конфетку.

— Вы знакомы? — спросил я батюшку.

— Нет, — ответил он. — Я вижу этого ребенка впервые. Дети любят и чувствуют Бога гораздо ближе, чем мы, взрослые. Мне часто приходится это видеть. Вот и нам надобно заботиться о том, чтобы в простоте сердца стать детьми Божиими.

После второй встречи со священником, я стал понимать, что становлюсь Православным.

— Ну, что ж, — сказал мне батюшка, — пора бы Вам готовиться к крещению в Православной Церкви.

Его ответы были более убедительны, чем ответы нашего пресвитера, который как-то рассказывал, что в православных храмах кадят и от этого дыма многим становится дурно.

— Нигде в Писании нет указания на то, чтобы кадить, — говорил пресвитер, — это они идолам своим кадят.

Я поведал об этом священнику, тот улыбнулся и сказал: — Как же — нет? Есть в Священном Писании прямое указание. В книге Исход Господь повелевает Моисею: каждое утро, когда он [Аарон] prepares лампы, будет курить им; и когда Аарон зажигает лампы вечером, он будет курить им. К тому же Господь сказал, что это — всегдашнее курение пред Господом в роды ваши (Исх. 30, 7-8) Вот у нас в храме и лампы зажигаются и каждение совершается. А насчет того, что от каждения кому-то дурно бывает, так это, возможно, признак беснования. Как в народе говорят: «боится как бес ладана». Тут недавно в Лавре преподобного Сергия был такой случай. Приехала иностранная делегация из Америки, а одному Божиему молитвеннику, иеромонаху Адриану, поручили встретить их и провести экскурсию. Замечу, что он человек высокой духовной жизни, делает вычитки, и многие почитают его за старца.

И вот вышел отец Адриан к воротам встречать делегацию, а одна женщина из гостей, как выяснилось потом - протестантка, увидев благодатного старца, упала на четвереньки и

давай лаять по-собачьи. Визжит, на ломаном русском языке матерится внутриутробным басом. Бес ведь не любит святых людей. Вот и стал мучить бедную. А о. Адриану не впервой с бесноватыми-то. Он помолился, перекрестил ее, и бес вышел. Упала она без памяти. Вся делегация не поймет, в чем дело. А женщина та была какой-то важной особой. Правда, ничего удивительного в этом нет. Мартин Лютер тоже ведь был одержим. — Как одержим? — спросил я.

— Это не выдумка, — сказал о. Григорий и повел меня в сторожку. Там он достал из своей дорожной сумки книгу и открыл закладку: — Вот, почитайте.

Я сосредоточил внимание и стал читать: «Когда однажды священник в церкви читал Евангелие о глухонемом бесноватом, брат Августин Мартин Лютер вдруг, с искаженным от ужаса лицом, закричал: „Я не он! Я не он!“ — и упал без чувств, пораженный как молнией».

— Конечно, можно сказать, что это просто случайность и никакое не беснование, но если почитать дальше, то картина становится ясной. Вот послушайте.

Священник взял из моих рук книгу и зачитал: — «Имя Иисус ужасало меня, — писал Лютер, — и когда я смотрел на крест, то видел молнию... В сердце моем было сомнение, страх и тайное желание ненавидеть Бога... Даже врагам моим я не пожелал бы страдать, как я страдаю... Праведность Бога я ненавидел, я возмущался и роптал на Него...». Батюшка закрыл книгу и сказал: — Это из писем самого Лютера. Как видите, душевное состояние его было далеко не в порядке. В таких мучительных состояниях однажды Лютера и посетила мысль, которая стала основой его учения: «Праведность Божия — моя праведность, а моя греховность — Божия греховность. *«Tu es iustitiae mea, ego autem peccatum tuum»*. (То есть надо внушить себе, что святость Бога это моя святость, а все, что я совершаю греховного — принадлежит Богу). Это оправдание, изобретенное Лютером, и стало основным «догматом» протестантов. Поэтому и считают они, что уже святые и спасены. И более того, придумывают некие ловушки для своих адептов. Например, говорят: «есть много искушений и когда вам говорят, что вы не так верите — это тоже искушение». Вот и получается, что стоит человеку услышать критику протестантизма, как сразу же срабатывает механизм кодирования: «если тебе говорят, что наша вера не спасительна, то это явно дух дьявола». И все. Человек становится как зомби и уже не способен искать истину. Вот такая практика кодирования у многих сектантов.

Глава девятая. Единая Церковь

Я перестал ходить к баптистам. Но они меня не оставили. Почти каждый день ко мне кто-нибудь приходил домой. А однажды пришло сразу несколько человек.

— Почему ты не ходишь на собрания? — спросили меня братья, — какие у тебя проблемы?

— Проблема одна, — ответил я, — спасение души. Надо разобраться во всех вопросах. Библию читать и верить, что Христос родился, пострадал и Воскрес для спасения мало. Если я стану говорить правду, то вы скажете, что во мне бес и не будете слушать меня. Ведь так нас учил пресвитер, что если кто будет говорить, что мы не спасены, то это в нем дьявол говорит.

— Говори, — сказали братья, — мы знаем, что ты не дьявол и послушаем тебя.

— Хорошо, — говорю. — В Писании сказано: Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет (Мк. 16, 16). Но ведь веровать тоже можно по-разному? Кто-то верит так, а кто-то иначе. Поэтому я много молился и размышлял над тем, как же все-таки надо верить, чтобы спастись. И понял, что спасение и вера может быть только в Церкви Единой и Истинной, которую основал Сам Христос. Я во многом не согласен с учением баптизма, и поэтому решил больше не посещать собрания. Вы учите, что Церковь первоначальная уклонилась от истины, заблудилась, разбилась и раздробилась на множество мелких церквей. Откуда вы это взяли? В Писании такого нет.

— Истина многогранна, а Бог — Вездесущий, — ответил брат К., — и в каждом вероисповедании есть спасающиеся.

— Позвольте, — говорю ему, — я с этим согласиться не могу, и где это написано? Если истина смешивается хоть немного с ложью, то она уже — не истина. Истина всегда одна. Она не может изменяться ни в зависимости от обстоятельств, ни от времени. Иисус

Христос вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр. 13, 8). А Он и есть Истина и Путь и Жизнь Вечная. А о том, что истина многогранна, вы, наверно, прочитали в американской экуменической книжечке?

— Да, — ответил брат К., — это я прочитал в нашей зарубежной брошюрке.

— С тем, что там написано, согласиться никак нельзя, — сказал я. — Неужели Христову Церковь врата ада одолели? Неужели Дух Святой разделился и раздробился?

— Нет, — поддержал меня брат К.

Я взял тетрадь с выписанными из Евангелия текстами и стал читать: — Христос пришел на землю и принес одно истинное Учение. Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня (Ин. 7, 16) и Он сказал: создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18). А кто говорит, что Церковь раздробилась, тот делает слова Христа как бы не истинными. А это ведь хула на Бога. Слова же о единстве, сказанные Христом: да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино (Ин. 17, 21). Эти слова не о единении истины с ложью, ибо, что общего у света с тьмою? (2 Кор. 6,12) Они о единой Истине, принесенной Христом на землю, которую Церковь хранила и будет хранить до скончания века. На пятидесятый день по Вознесении Спасителя, Дух Святой сошел на одну Церковь. Других не было. Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся (Ин. 20, 22-23). Такую власть дал Христос священноначалию Церковному, которой, как вы видите, у баптистов нет. Эта власть остается лишь в Православном Таинстве Исповеди.

Не случайно в X веке князь Владимир Красное Солнышко, выбирая веру для себя, остановился на Православии. Некоторые обвиняют его в том, что он, якобы, насильно крестил Русь. Но я читал исторические документы, опровергающие эту клевету, воздвигнутую диаволом на мудрого князя, который крестился сам и весь дом свой крестил. Владимир уверовал сам и крестился в Корсуне, а затем повелел всем своим верным слугам собраться на берегу Днепра. «Кто не придет утром к реке, богатый или убогий, нищий или работник, не друг мне более, — говорилось в послании князя Владимира. Слышав это, люди с радостью шли, говоря: если бы это [крещение] было недоброе дело, то не приняли бы его князь и бояре». И вот на глазах у всех были сокрушены идолы. Их рубили и жгли тут же на кострах, а среброголового Перуна по княжескому повелению привязали к хвосту коня и поволокли с горы, а затем бросили в реку. Казалось бы, должен был произойти мятеж в народе, ведь надругательства над своей верой народ не потерпел бы, но вместо мятежа произошло Крещение Руси. Крестился князь Владимир и весь дом его. «Боже, сотворивый небо и землю, — горячо молился Владимир, — призри на новые люди сии, и даждь им познать Тебя, истинного Бога, как уже познали страны христианские. Утверди веру в них правою и несовратимою, а мне помоги, Господи, на супротивного врага, дабы надеясь на Тебя, победил бы я его козни». Вот каким было Крещение Руси. А протестантов и баптистов тогда не было еще и в помине. Ну, что скажите, дорогие мои, разве Крещение было совершено насильно?

— Видимо, нет, — ответил К.

— Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается; а отвергающийся Меня отвергается Пославшего Меня (Лк. 10, 16), — говорил Господь апостолам, которые рукополагали пресвитеров и хиротонисали епископов. Преемственность Православия расписана вплоть до нашего времени. А где история баптизма? Где ее иерархия? Ее нет. На собрании мне сказали, что баптизм начинается от Иоанна Крестителя, а дальше? А дальше была Церковь, которая разделилась на католиков и православных. Но Церковь не могла поделиться. Плохо, плохо, братья, что мы не интересуемся истиной. А Христос ведь предупреждал, говоря: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят (Мф. 24, 4-5).

Православные не отступили от истины. Они всегда хранили и подвизались за веру, однажды преданную святым {Иуд. 1, 3). Так на Вселенских Соборах учениками Апостолов был принят Символ веры, в котором кратко выражалось все учение Церкви. Ибо Господь наш Иисус Христос заповедал, говоря; не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос (Мф. 23, 8). Этими словами Господь сказал ученикам, чтобы они не учили чему-либо от себя, но тому, чему научились от Него. Потому что тот, кто проповедует свое

учение, есть учитель, а кто научает тому, чему научился от Другого, тот ученик Учителя. Поэтому святые строго-настроено запретили предлагать что-либо новое, или же упразднить имеющееся Учение Церкви. А на тех, кто дерзнет к Символу веры что-либо прибавить или убавить, святые наложили анафему.

Католики же в IX веке прибавили к Символу веры *Filioque*, т.е. приставку «и от Сына», за что и были обличены в отступлении от истины Православными восточными Патриархами. Но папа римский, желая узаконить свою власть над Церковью, приказал подчиниться всем Поместным Восточным Церквам Риму и признать, что папа является заместителем Бога на земле, его слово есть закон, и он может все, даже изменить Священное Писание. Конечно, этот вздор никто из здравомыслящих людей не принял, и в 1054 году папа Лев IX в гневе проклял Константинопольского Патриарха Михаила Керуллария и всех, не подчинившихся папской власти, вследствие этого произошло полное и бесповоротное отпадение католиков от истины Православия.

Я замолчал. Все слушали мой рассказ с большим интересом и вниманием, потому что они не знали истории, да и к тому же наш пресвитер запрещал читать «чужие» книги.

— Ну, а что дальше? — с интересом спросил брат В.

— Вскоре после этого папа Урбан II в 1095 году на соборе в Клермоне призвал весь католический мир к крестовому походу на Восток. Через год католики из Франции, Германии, Англии, Скандинавии, Италии и Испании двинулись на Константинополь и Иерусалим. Кровавые расправы, чередовавшиеся с кощунственными богослужениями католиков, свидетельствовали об их нечестии. Но многие латины понимали, что делают беззакония, к тому же и совесть не могла их не обличать. Поэтому «безгрешный» папа ввел продажу индульгенций. Теперь любой грешник, покупая индульгенцию, получал якобы прощение самых страшных грехов. От этой ереси распространялись разврат и насилие.

Видя нечестие и обман западного мира, католический монах Мартин Лютер (1483-1546), профессор библеистики Виттенбергского университета, восстал против папы. В сентябре 1517 года он прибил на воротах Виттенбергского замка табличку с девяносто пятью тезисами против папства. Так начался протестантизм.

Но благое желание Лютера не увенчалось успехом, потому что он не стал искать Церковь, которую утвердил Господь и которую не смогут одолеть врата ада. Лютер стал проповедником нового вероучения вне римско-католического и вне восточного православного исповедания. Критикуя и искореняя папство, он повредил истину, упразднив Священное Предание, От Адама до Моисея не было Писания. Священное же Предание существовало изначально и во всей полноте оно сохраняется в Православной Церкви. Лютер же не обратился к Православию, а стал создавать новое, свое учение. А вы ведь помните, как апостол Павел велел предавать анафеме даже Ангела с Небес, благовествующего что-либо новое.

Самое главное заблуждение католиков — непогрешимость папы — абсолютно противоречит Писанию, в котором сказано, что все согрешили (Рим. 5, 12). И если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас (1Ин. 1, 8). А Лютер усугубил это отступление, признав безгрешность не одного человека, а всех последователей своего движения.

Вот у баптистов есть чин покаяния. Он совершается один раз, и все. А в Православии он каждый день, каждый час, каждое мгновение. Я помню, как однажды на собрании я вышел на середину со слезами и с молитвой мытаря, а ушел оттуда фарисеем. Мы должны непрестанно каяться, ибо это и есть молитва, угодная Богу. Он призывает к покаянию. И лишь только покаянное чувство делает человека смиренным. А Господь говорит: подчиняясь друг другу, облекитесь смирением, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (1 Петр. 5, 5).

— Ты знаешь, — сказал брат К., — я помню, как мы однажды приехали в райцентр, а туда на собрание пришли несколько молодых православных парней. Мы приняли их сначала за семинаристов, но потом поняли, что это не так. Они почти не знали Писания, но вступили с нами в полемику. Один из них сказал, что он грешник, и спросил меня о том, считаю ли я себя грешником или нет. Я сказал, что когда-то я был грешником, а теперь покаяться и уже не имею грехов. Он рассмеялся. Тогда я спросил его, почему он смеется, а брат тот ответил, что смеется над бесовской гордыней, и спросил:

— Так ты считаешь себя святым? — Да, — серьезно ответил я.

— Скажи мне, только честно, у тебя не бывает помыслов вожделения при виде красивой девушки?

Я не знал, что ему ответить, потому что он попал в самое больное мое место, и потому молчал, но сестра С, стоявшая недалеко от нас, вмешалась в разговор и сказала:

— Нет, брат, у него не бывает таких помыслов.

— Вот это да! — удивился он, — а как же ты: совсем, совсем не грешишь?

— Нет, — ответил я, немного смущаясь.

— Прости, но в это я поверить не могу, — сказал православный брат. — Это означает, что ты делаешь только добрые дела?

— Да, — ответил я.

— А какие? — спросил он.

— Посещаю с братьями больницы, помогаю нуждающимся, пою в хоре...

— Ну, вот ты уже и согрешил, — перебил меня православный.

— Как согрешил? — удивился я.

— Господь сказал: не трубите перед собой о своих добрых делах, а ты мне тут хвалишь себя, какой ты добродетельный.

Я помню, тогда сильно обиделся на него, а потом много размышлял над этим и пришел к выводу, что он прав. Я ведь грешу. Пусть особо страшных грехов и не совершаю, но все равно иногда кого-то осуждаю, или раздражение возникает, а подчас и грубость какая-то вырвется. — Слава Богу, — сказал я. — В этом ошибка учения Лютера: мол, покайся один раз и грехи себе на здоровье, только верь, что ты уже спасен. А ведь каяться надо обо всех соделанных нами грехах. Как только согрешил, так надо идти на исповедь и каяться. А диавол погубил Лютера за то, что он оставил покаяние и возомнил из себя учителя, перестав быть учеником. «Ты — освободитель христианства», — сказал ему однажды кто-то. «Да, — согласился Лютер, — это так». Но его «освобождение» было обманом. Лютер считал себя дровосеком, прорубившим в лесной чаще просеку, но, к сожалению, тропинка вела не к Учению Христа, а в противоположную сторону. «Я и сам не знаю, какими духами я обуреваем», — писал Лютер. «Наш великий пророк, святой апостол Мартин» — так называли его в начале реформы и «злой Виттенбергский папа» — впоследствии.

— Но может Лютер, живя на Западе, не знал о Восточной Православной Церкви? — спросил брат Г.

— Знаете, я тоже так сначала думал, но потом нашел одну книгу, в которой прочитал о том, как Лютер относился к Православию. «Ни Собор Никейский, ни первые Отцы Церкви, — писал Лютер, — ни древние общины Азии, Греции, Африки не были подчинены папе. Да и сейчас, на Востоке, существуют истинные христиане, у которых епископы не подчиняются папе». Это он писал о Православной Церкви. Он был также возмущен тем, что католики не почитают восточных святых мучеников. «Не вопиющая ли несправедливость извергать из церкви и даже из самого Неба такое великое множество мучеников и святых, — писал Лютер, — какими за четырнадцать веков прославлена Восточная Церковь?»

— Как, Лютер почитал святых? — удивилась сестра Л.

— Как видишь. Апостол Павел говорил: поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их (Ев. 13, 7). Вот Церковь Православная и поминает. Составляет жития святых угодников, пишет им иконы, совершает памятные дни. Как ветхозаветные праздники установлены были в воспоминание древних святых и событий, связанных с ними, так и новозаветные Церковные праздники совершаются в память о Евангельских событиях и святых, угодивших Богу.

— Но ведь так можно и из святых сделать себе кумиров? — возразила Л.

— Да, можно. И в почитании икон, и в почитании Божией Матери и святых угодников Божиих есть опасность для языческой латрии. Но если есть опасность, то это не значит, что надо отвергать совсем. Некоторые от молитвы сходят с ума, но мы же не можем запретить из-за этого молитву. Всякая заповедь Божия имеет опасность неисполнения. В этом и заключается свободная человеческая воля. Можем исполнить, а можем нарушить. Так и со святыми: можно благоговейно помянуть наставников и подражать вере их, как это делает

Православная Церковь, и просить их молитв пред Богом, ведь у Бога все живы. А можно как сектанты дойти до безумия и почитать своих наставников за богов,

— А зачем православные читают молитвы, составленные святыми, а не молятся своими словами к Богу, - спросил брат Г., — ведь мы с родителями не говорим по бумажке или по молитвеннику, а обращаемся просто своими словами. Так надо и к Богу обращаться.

— Так-то оно так, — сказал я, — да не совсем. Вот, представь, что твои слова, сказанные в молитве, это музыка, т.е. импровизация. Все мы знаем, что ты прекрасно играешь на скрипке. Так ведь?

— Да, — ответил Г.

— Скажи, ты взял скрипку в руки и сразу же стал импровизировать?

— Конечно, нет.

— А что ты делал прежде?

— Я играл гаммы, арпеджио, упражнения, этюды.

— А потом?

— Потом классику. Произведения известных композиторов.

— И только тогда научился импровизировать. Так ведь?

— Да, — ответил брат Г. — Вот так и в молитве. Прежде чем говорить своими словами, надо сначала научиться молиться теми молитвами, которыми молились угодники Божий. Ведь и Христос нам заповедал: молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: Отче наш... (Мф. 6, 7-9).

Лютер тоже не сразу своими словами молиться стал, но сначала по молитвеннику читал. Латинский язык очень сложен и непонятен, не то, что церковно-славянский.

— А почему в Православной Церкви служат на славянском, а не на русском языке? — спросил брат К.

— Церковно-славянский является богослужебным языком. Вот, например, ты, когда ходишь по квартире, надеваешь халат и тапочки, но разве на молитвенное собрание ты пойдешь в таком виде?

— Конечно же нет, — ответил К. — Я стараюсь одеться по приличнее. Ведь я же иду молиться Богу.

— Так и в языковой области есть различие — обычный разговорный язык, на котором мы общаемся дома, на рынке, и вообще в повседневной жизни, и церковно-славянский — язык, на котором мы говорим с Богом.

Надо, братья мои возлюбленные, изучать не только Библию, но и церковную историю. Вы, наверное, слышали, что в Америке несколько больших протестантских общин полностью перешли в Православие. Сначала они стали всесторонне изучать историю христианства от Апостольских времен, а, исследовав ее до мельчайших подробностей, оставили ложное протестантское учение и приняли Крещение от православного священника. Ведь Истина одна!

Я посмотрел на часы. Оказалось, что мы не заметили, как пролетело время. Простившись со мной, мои гости, взволнованные, поспешили домой.

Глава десятая. Торжество Православия

На следующий день я поехал в деревню к бабушке. Не могу передать, как я был рад, что стал православным. Такую легкость обрела моя душа от сознания своего греховного состояния. Мне хотелось всех людей обнять и расцеловать. Неземное чувство кроткого мирного духа наполняло мою душу.

За окном автобуса мелькали зеленые деревья, распустившие свою пышную листву. Одно дерево мне напомнило силуэт святителя Иоанна Златоуста, который был точно так же изображен на древней иконе. Мне сразу вспомнился пресвитер, которому я показывал книг/Златоуста. Он взглянул и прочитал название: «Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиепископа Константинопольского», и возмущенно сказал: «Отца? Написано: отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на Небесах «Мф. 23,9)», и вернул мне книгу.

— Но Господь повелел не называть отцом никого не в буквальном смысле, — возразил я ему тогда, — Вот вы же как-то своего родного отца называете?

— Папой, иногда родителем, — ответил пресвитер. — Но ведь в пятой заповеди сказано: Почитай отца твоего и мать твою (Исх.20, 12). И это говорится не о Боге, а об отце, кровном родителе, и апостол Павел повторяет заповедь эту в Послании к Ефессянам (Еф. 6, 2), при этом сам прямо называет отцами родителей: и вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем (Еф. 6,4). Также и в Послании к Колоссянам он говорит: отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали (Кол. 3, 21). А вот указание о духовном родстве: и хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием (Жор. 4, 15). Как же Павел, будучи девственником по плоти, имел чад?

— Это были его чада во Христе, ~ - ответил пресвитер. В послании к Тимофею он пишет так: преподаю тебе, сын мой Тимофей (1Тим. 1, 18).

— Почему сын? Потому что Тимофей был духовным сыном, а Павел его духовным отцом?

— Видимо так, — согласился пресвитер.

— Бог сотворил все и в этом смысле он является Единственным Отцом нам и мы не должны считать кроме Его, истинного Бога нашего, кого-либо творцом. А пастыри, которые являются носителями Его благодати, рожают в благовествовании духовных чад, потому и называются отцами. Помните, как Павел говорит об Аврааме, что он есть отец всем нам (Рим. 4, 16) а также упоминает Исаака, отца нашего (Рим. 9,10). Следовательно, если и брат наш, Иоанн Златоуст, ходил пред Богом, и мы видим из его писаний, что он писал их Духом Святым, и что он действительно был великим проповедником Слова и Благодати Божией, то почему же не можем назвать его, как и Исаака, отцом нашим? Вы ведь читали и знаете проповеди Златоуста? Он жил в IV веке и был архиепископом в Константинополе. Всего до нас дошло 12 томов его творений. Есть толкование на книгу Бытия, на Евангелие, на Апостольские послания, множество бесед о почитании Креста, Божией Матери, о Крестном Знамени, о Крестном ходе, о молитве, о молебнах и панихидах, о монашестве, о Причащении Святых Христовых Тайн, о погибельном пути раскольников и еретиков, отделившихся от истины Православия. Иоанн Златоуст составил Литургию, которую и сейчас совершают в Православных храмах.

Пресвитер замахал руками и сказал:

— Ты, брат, видимо, пьян. Иди, я не могу больше с тобой говорить.

А вот и деревня. Автобус остановился у бетонной остановки. Я взял сумку и поспешил к дому, где жила моя бабуля. Недалеко от него была огромная дача нашего баптистского пресвитера, на которой нередко приходилось трудиться и мне. Но теперь я уже не был здесь более года. Просторная улица, где пахло молоком и навозом, тянулась на километр. Мне хотелось поскорее увидеть бабулю, я так соскучился по ней. «А она, небось, напекла моих любимых блинцов с молоком и медом», — размышлял я.

Вдруг я увидел у ворот одного дома огромного быка, который что-то катал по земле, все время пытаясь подбросить. «Стоп, — мелькнула в моей голове мысль, — это же человек. Бык волочит по земле человека». Мгновенно я освободился от помышлений. Дрожь пробежала по всему телу. «Что делать? — Надо выручать. Но ведь бык может боднуть и меня...»

Я попытался сообразить, как поступают в таких случаях, но страх настолько сковал мою волю, что мне не удавалось ничего придумать. «Главное, не терять времени, — решил я, — ведь каждый удар быка для лежащего на земле человека мог оказаться смертельным».

Я на мгновение притаился. «Где ж твоя вера? — мелькнула в моей голове мысль. Все возможно верующему. Если кто будет иметь, веру хотя бы с горчичное зерно и скажет горе подвипись, и она подвинется. А тут огромная живая гора, которая может лишить жизни человека».

«Господи, помоги мне, — взмолился я. — Пресвятая Богородица, заступись за меня, маловерного». После молитвы словно какая-то невидимая сила наполнила меня изнутри, и я, позабыв о страхе, направился к агрессивному животному. Увидев меня, бык оставил свою прежнюю жертву и не спеша направился в мою сторону.

«Слава Богу, — подумал я, — что он оставил этого несчастного человека. Пусть уж лучше бодает меня».

Тем временем страдалец отполз к забору и пролез в проем калитки. А бык, не сводя с меня глаз, продолжал игриво приближаться. «Господи, — молился я, — да будет воля Твоя святая». Вмиг промелькнула вся моя жизнь, как на киноплёнке. Вспомнилось детство, покойная мать и о. Григорий, который как-то рассказал мне о силе Крестного Знамени,

Верую, Господи, — сказал я шепотом, — помоги моему неверию и, сложив пальцы, поднял правую руку и перекрестил быка. Тот поднял голову, громко промычал и, развернувшись, пошел в другую сторону.

«Слава Тебе, Господи, — вскрикнула от радости душа моя, — Жив Бог, жива душа моя».

Я поспешил к пострадавшему. К великому моему удивлению им оказался баптистский пресвитер.

— Спасибо тебе, брат, — хриплым голосом сказал он. — Если бы не ты, то не видать мне больше этого света.

— Если бы не Бог, — поправил его я. — Я-то тут ни при чем. Вы же видели, что бык креста испугался, а не меня.

Да, брат, — сказал пресвитер, тяжело дыша.

— У вас, наверное, перелом? — спросил я.

— Хорошо он меня потрепал, видимо, ребро сломал, — сказал пресвитер. — Ты, знаешь, когда ты его перекрестил, то я увидел, будто молния сверкнула в твоей руке.

— Это сила Животворящего Креста, — сказал я и перекрестился.

Пресвитер внимательно посмотрел на меня и тоже перекрестился.

Преемственный список православных иерархов.

Андрей Первозванный, апостол(36-37)

Стахий, из учеников Христовых(37-53)

Онисим (53-67)

Поликарп(67-84)

Плутарх(84-101)

Седекия(101-110)

Диоген(110-125)

Елевферий (125-132)

Феликс (132-137)

Афиноген (137-141)

Евзоий(141-157)

Лаврентий(157-168)

Алипий(168-182)

Пертинакс(182-201)

Олимпион (201-212)

Марк(212-225)

Кириак1(225-241)

Кистин(241-248)

Тит(248-283)

Домитиан(283-308)

Пров (308-320)

Митрофан I (320-330)

Александр I(330-353)

Павел I Омологит (353-360)

Евдоксий(360-371)

Евагрий(371-379)

Григорий Богослов (379-381)

Нектарий (381-391)

Иоанн Златоуст (391-404)

Арсакий(404-406)

Аттик(406-425)
Сисиний (425-428)
Несторий(428-431)
Максимиан (431-434)
Прокл(434-446)
Флавиан(446-449)
Анатолий(449-458)
Геннадий I (458-471)
Акакий(471-491)
Флавиан(491-492)
Евфимий Всехвальный
(492-496)
Македонию II (496-511)
Тимофей (511-517)
Иоанн II Каппадокиец
(517-520)
Епифаний (520-535)
Анфим (535-537)
Мина (537-552)
Евтихий (552-565)
Иоанн III (565-577)
Евтихий (во второй раз)
(577-582)
Иоанн IV, постник (582-595)
Кириак II (595-606)
Фома! (606-610)
Сергий I(610-629)
Пирр! (629-641)
Павел II (641-645)
Пирр (во второй раз) (645-655)
Петр(655-667)
Фома Погонат (667-669)
Иоанн V (669-674)
Константин I (674-676)
Феодор! (676-678)
Георгий Кипрский (678-683)
Феодор I (во второй раз)
(683-686)
Павел III (686-693)
Каллиник!(693-705)
Кир(705-711)
Иоанн VI (711-714)
Герман (714-730)
Анастасий(730-754)
Константин II (754-766)
Никита(766-780)
Павел IV(780-785)
Тарасий (785-806)
Никифор I (806-815)
Феодот(815-821)
Антоний(821-832)
Иоанн VII Синкел (832-842)
Мефодий Омологита
(842-846)
Игнатий(846-858)
Фотий(858-867)

Игнатий (во второй раз)
(867-877)
Фотий (во второй раз)
(877-886)
Стефан I Порфирородный
(886-893)
Антоний II (893-895)
Николай I, мистик (895-906)
Евфимий I Синкел (906-911)
Николай I (во второй раз)
(911-925)
Стефан II (925-928)
Трифон (928-933)
Феофилакт (933-956)
Полиевкт(956-970)
Василий I Скамандрин (970-974)
Антоний III Студит (974-984)
Николай Хрисоверг (984-988)
Патриарх Николай Хрисоверг поставил первого
нашего митрополита Киевского Михаила (988-991)
Лев I(991-1008)
Иоанн I(1008-1035)
Феопемт (1035-1050)
Кирилл I(1050-1051)
Иларион (1051-1055)
Ефрем I (1055-1067)
Георгий I(1067-1077)
Иоанн II (1077-1089)
Иоанн III (1089-1092)
Ефрем II(1092-1097)
Николай(1097-1103)
Никифор! (1103-1122)
Никита(1122-1127)
Михаил II (1127-1147)
Климент Смолятич (1147-1155)
Константин I(1155-1161)
Феодор (1161-1164)
Иоанн IV(1164-1167)
Константин II (1167-1182)
Никифор II (1182-1198)
Гавриил(1198-1281)
Дионисий
Матфей
Кирилл II
Иосиф I
Кирилл III по (1281-1283)
Максим (1283-1305)
Петр(1308-1326)
Феогност(1328-1350)
Алексий(1350-1378)
Пимен (1380-1461)
Киприан
Фотий
Исидор
Иона I по 1461 г.

Митрополиты в Киеве и Галиче

Феодорит

Роман

Киприан (в Вильне):

Григорий(1415-1419) (в Смоленске):

Герасим (1433-1435)

Митрополиты Киевские и Всея Руси

Григорий II (1458-1473)

Мисаил (1474-1480)

Митрополиты Киевские, Галицкие и всея России

Симеон (1481-1488)

Иона II (1492-1494)

Макарий I (1495-1497)

Иосиф II до 1503

Иона III (1503-1507)

Иосиф III (1509-1521)

Иосиф IV (1523-1534)

Макарий II (1535-1556)

Сильвестр (1556-1567)

Иона (1577-1579)

Онисифор (1583-1588)

Михаил (1588-1596)

Иов Борецкий (1620-1631)

Исайя (1631-1633)

Петр (1633-1647)

Сильвестр (1649-1657)

Дионисий (1658-1663)

Иосиф (1663-1676)

Антоний (1676-1679)

Гедеон (1685-1690)

Варлаам (1690-1707)

Иоасаф (1708-1718)

Варлаам (1722-1730)

Рафаил (1731-1747)

Тимофей (1748-1757)

Арсений (1757-1770)

Гавриил (1770-1783)

Самуил (1783-1796)

Иерофей (1796-1799)

Гавриил (1799-1803)

Серапион (1803-1822)

Евгений (1822-1837)

Филарет (1837-1857)

Исидор (1858-1860)

Арсений (1860-1876)

Филофей (1876-1882)

Платон (1882-1891)

Иоанникий (1891-1900)

Феогност (1900-1903)

Флавиан (1903-1917)